

Грот Лидия Павловна, PhD

Консалтингово-образовательное предприятие

«НОРРКОН АБ», Швеция

УДК 93

О ДРЕВНЕРУССКИХ ИМЕНАХ

ОЛЕГ И ОЛЬГА

В статье рассматриваются скандинавское имя Хельги и древнерусские имена Олег и Ольга. Анализ имени Хельги на основе работ скандинавских лингвистов показывает, что оно являлось гипокористикой и в силу этого никогда не использовалось в именовании правителей. Имена Олег и Ольга появились в лоне индоевропейского субстрата Восточной Европы.

Согласно концепции автора, Олег и Ольга – древнерусские имена из самого архаичного именного слоя, сложившегося еще на основе индоевропейского субстрата в Восточной Европе. Как всякие древние имена, они видоизменялись, принимали разную форму. Наиболее архаичные формы это – Вольг/Вольгá для мужского рода и Вóльга/Вóлга для женского рода, но в летописях наряду с ними можно встретить Олег и Ольга, поскольку чередование с начальной «в» и без нее было типично для древнерусского языка. В летописях можно встретить эти имена в обоих вариантах, т.е. как с начальной в, как Волга, так и без нее, как Ольга/Олга.

В Ипатьевской летописи под 1196 годом встречается написание Вольгович наряду с Ольгович.

Древность мужского имени Вольгá подтверждается тем, что это имя сохранилось в былинах. Это, например, известный Вольгá Святославович, богатырь наших былин. Данный цикл былин принадлежит к наиболее архаичному слою в русском былинном эпосе. По какому праву норманисты начинают свой анализ с формы Олег, а не с формы Вольгá? Очевидно потому, что введение архаичной именной формы Вольгá может нарушить стройность германофильской казуистики.

Еще в XIX в. высказывались мысли о том, что Волга – двуосновное имя, где корень вол-, а га- есть второй компонент, в названиях рек обозначающий гидроним: Онега, Пинега, Синюга или озеро Синего в Московской области и пр. и также, как и первый, никакого отношения к финно-угорским языкам не имевший. Изучая гидронимы Поволжья, Прикамья и Русского Севера и сравнивая их с данными названиями на юге и в центре России, А.И. Соболевский пришел к выводу о том, что эти области были населены носителями индоевропейского языка – языка автохтонного населения Восточной Европы, которое Соболевский называл скифским, по его словам, «впредь до подыскания более подходящего термина». Мы в своих работах для языка автохтонного населения Восточной Европы начала использовать такой, на наш взгляд, «более подходящий термин», как язык древних русов, т.е. язык, лежащий у истоков древнерусской языковой традиции.

*Все уточняющие лингвистические характеристики оставляем лингвистам, здесь же ограничимся примером из работы Соболевского: есть река Сеньга как приток Клязьмы и есть такой аналог этого гидронима, как река Синьговка/Сеньговка в Калужской губернии (бассейн Днепра). Соболевский проводит параллель с названием Синег в двинской грамоте XV в., известным как Синюга, приток Вели, с отсылкой к работе Огородникова, у которого отмечены Сенеж или Синеж, Сенежское озеро на севере Московской губернии, которое в Степенной книге названо как Сенега или Сенег. В силу взаимозаменяемости именных компонентов -га/-г и -жа/-ж в русском языке Соболевский присоединяет к этим примерам Разнежскую заводь или Разнежский затон на Волге (несколько выше реки Суры). Другой пример: есть река Сога, приток Согожи, притока Шексны, но есть и Сага – две речки в Черниговской и одна в Курской губерниях (бассейн Днепра), вариантами названий которых выступают Сеготь, Сегозеро и Сига (= *Сегá?) в Смоленской губернии (бассейн Днепра), а также название озера Сиг (с урезанным га-) в Тверской губернии. Все чередования в конечном именном компоненте га- хорошо объяснимы из русского языка. Высказывались предположения, что все важнейшие божества южнобалтийских славян: Триглав, Яровит, Свентовит суть одно и то же божество под разными именами. Возможно, это так и есть, и Русь с Южной Балтией были связаны одной древней верой. Ведь и имя Волоса – это не имя бога, а только иносказательное прозвище. Но это прозвище отразилось в*

перечисленных южнобалтийских святилищах. Вот какой древностью и силой веет от древнерусских имен Олега и Ольги! И наука должна очистить эти великие имена от наслоений западноевропейских утопий.

Ключевые слова и фразы: летописи, имена, Олег, Хельги, политические мифы.

In the article, the scandinavian name Helgi and the Old Russian names Oleg and Olga was studied. The name Helgi, as according to scandinavians fiologer, is a form of "nickname" or a hypocorism and therefore never used as an royal name. The names Oleg and Olga can be traced back to the indoeuropean language in East Europe.

The article discusses the Scandinavian name Helgi and old names Oleg and Olga. Analysis of the name Helga on the basis of works of Scandinavian linguists shows that it was hypocritical and therefore never used in imenoslov rulers. The names of Oleg and Olga appeared in the bosom of the Indo-European substrate in Eastern Europe.

According to the concept of the author, Oleg and Olga – ancient names of the archaic nominative layer, formed on the basis of Indo-European substrate in Eastern Europe. Like all ancient names, they evolved, took a different shape. The most archaic form it – Valg/Volha for masculine and Volha/Volga for female, but in the annals along with them, you can see Oleg and Olga, because the alternation of the initial in and without it was typical for the ancient language. In the Chronicles you can find these names in both versions, i.e., from the start, as the Volga, and without it, as Olga/Olga.

In the Ipatiev chronicle under 1196 year common writing Volkovich along with the ol'govichi.

The antiquity of the male given name of the Volga confirm the fact that this name preserved in the epics. This is, for example, the famous Volga Svyatoslavovich, the hero of our epics. This cycle of epics belongs to the most archaic layer in the Russian epic the epic. By what right normality start your analysis with forms Oleg, not with the shape of the Volga? Obviously, because the introduction of the archaic nominative form Volha can disrupt the harmony germanophilia casuistry.

Even in the nineteenth century, expressed the idea that the Volga – doonane name, where the root of the ox-and ha – there is a second component, in the names of

rivers showing the hydronium: Onega, Pinega, Sinyuga or lake Blue in the Moscow region, etc. and like the first, nothing to do with the Finno-Ugric languages are not taken.

All qualified linguistic characteristics leave to linguists, here limited to the example of the work of Sobolev: there are Sen'ga river as a tributary of the Klyazma and there is such a counterpart of this hydronium as the river Singavi/Sengoku in the Kaluga province (Dnieper basin). Sobolevsky draws a parallel with name Senega in Dvina ratification of the fifteenth century, known as sinyuga, the influx of Led, with reference to the work Ogorodnikova, which marked the Senezh or Sinezh, Senesce lake in the North of Moscow province, in which the Power of the book named as Less or Seneg. Due to the interchangeability of the nominal component-ha/-g and-MS/-W in English Sobolevsky attaches to these examples Resnicow backwater or Reznicki backwater on the Volga (slightly above the Sura river).

Another example: there is a river Soga, a tributary of Sugoi, a tributary of the Sheksna, but there is the Saga of two rivers in Chernihiv and one in Kursk province (Dnieper basin), variant names which are Segot, Segozero and Whitefish (= *Cezá?) in Smolensk province (Dnieper basin), as well as the name of the lake Whitefish (abbreviation ha) in the Tver province. Well, what can be the Finno-Ugric languages?

All alternation in the final nominal component ha – well understandable from the Russian language. To see examples of Sobolev you can add the results of research on archaic place names Novgorod historian B.N. Vasiliev. According to Vasiliev, such hydronyms as Onega, Oniga are historical versions of the hydronium Onehost, i.e., the data reduced form is nothing other than a reflection on toponymic level patterns of truncation of the corresponding anthroponomy on the guest. To the reality of such names in other Slavic lands, you can add, for example, the label "Dobrogea" on the pot not later than the eleventh century, found at dismantling the ruins of the assumption Cathedral in Kiev. This work Vasiliev is, in my opinion, the most valuable study, but regarding the interpretation of the nominal component-the guest would like to make some adjustments. I totally agree with the idea of doubling the hydronium, but not relative to the anthroponomy, and relative caonima, because in my opinion, these names with the final component-the guest (Radogost, Belegost) and others were originally the names of deities or deified ancestors. Without taking into account the aspect of sacredness to understand the role of component-guest/GOST – impossible.

Key words and phrases: chronicles, personal names, Oleg, Helgi, rudbecianism, political myths.

Окончание. Начало в № 1 (2015).

Теперь об и.-е. корнях **el-/*ol-* в гидронимах Волхов и Волга. Об этом писал немецкий лингвист, славист и известный специалист по славяно-германской топонимике К.Хенгст, выявляя древнеевропейскую гидронимию у восточных славян и представляя, в частности, результаты исследований В.Шмидта и Ю.Удольфа.

В названии Волга Хенгст выделяет древнеевропейский корень **Ol-g->* дослав. **Algās* переходом *a > o* и с протетическим *в* в славянское время. Такая новая интерпретация гидронима *Волга* на основе древнеевропейского корня, напомнил Хенгст, была дана еще Ю.Удольфом в статье «Die Stellung der Gewaessernamen Polensinnerhalb deralt europaeischen Hydronymie», опубликованной ещё в 1990 г. [36, с. 103].

Проблемы сторонников концепции древнеевропейской гидронимии очевидны. Кто были те индоевропейские первооселенцы в Европе? Сейчас мы знаем, что это были представители гаплогруппы R1a, или арии и древние русы. Но для немецких ученых термин *арии* нежелателен, а термин *древние русы* ассоциируется в науке только со временем первого упоминания славян в византийских источниках. Отсюда у немецких исследователей и такие обтекаемые термины как древнеевропейские дославянские корни и пр. В начале нашей работы над концепцией о древних русах как насельниках в Восточной Европе мы использовали сходные термины за неимением лучшего: индоевропейский субстрат, связанный с русской историей и т.д. [7, с. 465-490]. Но теперь многое прояснилось, поэтому в последних работах, как мы уже сообщили, используются *арии* и *древние русы*.

Соответственно, древнеевропейский корень **el-/*ol-*, выделенный немецкими сторонниками концепции древнеевропейской гидронимии в восточноевропейских гидронимах и относимый ими к так называемому дославянскому индоевропейскому периоду, хорошо укладывается в рамки нашей концепции. Тем более, что, по свидетельству Н.В.Васильевой, ни в кельтском, ни

в древнегерманском языках нет корня **el-/*ol-* [3, с. 107]. Но зато этот корень очень хорошо представлен в русской топонимике и антропонимике, т.е. той топонимике и антропонимике, которая была создана древними русами до миграций в Восточную Европу представителей гаплогруппы N1c1 и является основой для имен Олег и Ольга. Вот какие примеры использования основы *вол-/ол-/ел-/л-* можно найти в источниках.

Следующий пример из ПВЛ: «...и повеле *Ольга* воемь своимь имати...И възложиша на ня дань тяжьку... а третьяя Вышегороду к *Ользѣ*; бѣ бо Вышегород град *Вользинь*. И иде *Вольга* по Дервьстѣй земли ..и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее *Ольжичи* и доселе» [24, с. 29].

Как видим, в имени княгини Ольги первый компонент сохраняется неизменно с чередованием *ол-/вол-*. Кроме того видно, как от этого антропонима образуются топонимы: Вользин град, село Ольжичи. Можно назвать и большее число таких топонимов.

В работе М.Халанского сообщается о том, что в городе Льгове Курской губернии существует предание об основании города Льгова княгиней Ольгой [34, с. 292]. Город впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 1152 году под названием Ольгов. В паре *Ольгов – Льгов* сохраняется только корневоел-.

М.Халанский приводит различные варианты названия небольшого монастыря-пустыни в Курской губернии, которые в подлинных актах архива курской консистории зафиксированы и как *Волтиновская* пустынь, и как *Льпиновская* пустынь, а также как *Илпиновская* пустынь. Такие корневые чередования как *вол-/ль/ил-* естественны для русского языка, что иллюстрируется Халанским на примере слова *вольгота/льгота/ильгота* [34, с. 325]. Последний вариант чередования напоминает также о варианте *Волга/Вилга*.

Для имени *Вольга/Ольга/Ельга* есть соответствия не только в названиях городов и сел, поскольку, за исключением названия пустыни, эти названия явно вторичны относительно имени Ольги. Важно то, что для каждого варианта имени, т.е. для *Вольги, Ольги, Ельги*, есть свои соответствия в русской гидронимике, что будет показано ниже. И это яркое свидетельство того, что все варианты этого имени родились на Русской равнине. Гидроним Волга, согласно немецким исследователям, образован от древнеевропейского корня **el-/*ol-*, а индоевропейскими насельниками Восточной Европы были арии и древние русы.

Морфология данного имени, как было показано выше, принадлежит русскому языку, т.е. не может быть никаких сомнений в том, что это древнерусское имя.

Прежде чем перейти к показу примеров из гидронимики, следует посмотреть на те варианты, которые имеются в источниках для имени Олег.

Халанский собрал множество вариантов, которые разные древнерусские памятники сохранили для имени Олег. Это *Ольгъ*, *Олегъ*, *Олгъ* в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, но в падежных формах *Олгомь* и *Олгови*.

В хронографе XVII века (сп.Московской Синодальной библиотеки № 135):«(Рюрик) приказа<...> воеводе своему *Олгъ*». Т.е. здесь в именительном падеже форма имени *Ольга́*. Но в именительном падеже могла быть и такая форма имени, как *Олгъ* (Ольгѣ): об Олеге Рязанском под 1381 годом сказано: «...прииде князь резанский *ОлгъИванович*».

Встречается в летописях и написание имени Олега с начальной *в*-. От именительного падежа имени *Волгъ* есть падежная форма по *Волзъ* (ПСРЛ, IX, 18, прим. 2) аналогично вариантам женского имени *Вольга* и *Ольга*. Но есть и с опущением начального *о*: *Легъ*, *Лга* (ПСРЛ, IX, 25, прим. н и 15, прим. 5); сравн. *Лжичи* при *Олжичи*, *Ольжичи* (Ип. л. 315) [34, с.322]. Надо добавить, что форма мужского имени на *-е* как *Олгъ* была, видимо, распространена в Новгородской земле, например, встречается в былине о Садко: «Ай же ты, Садке-купец богатый гость!», «Стал поживать Садке во Нове-граде» и пр. Таким образом, чередования в корне для имени Олег такое же, как и для имени Ольга: *вол-/ол-/л-*.

Данный вывод хорошо подтверждается русскими былинами. В онежских былинах для *Вольги* имеется вариант *Волья*: «...молодой Волья-то Всеславьевич/Щеславьевич, молода Волью Всеславьевича» [4, № 32]. О появлении на свет богатыря в былине повествуется так:

Да они слыша нарождене богатырское,
Сильного могучего богатыря
Да *Вольву* сына Щеславьевича
Да по той ли по Волги по реки
Взяли-де рыбоньку бѣлуженьку повыловили,
Окуня, сарожку повыдобыли,
Да лисицу куницу повыдавили
Да тут *Вольвушенька* раждается [4, № 254.Стлб. 1168-1169]

Очевидно, что в приведенных вариантах былинного имени *Вольгаи Волья* корнем является *вол-*. Рассуждая о закономерности перехода *о* в *е*, Халанский распространяет примеры такого перехода не только для женской формы имени *Ольга/Ельга*, но и на его мужской вариант *Олег* из формы *Волья*. Халанский приводит такие примеры, как Евпатій – Олпатій, Елиферій – Олухвірь, Есипь – Осипь. Поэтому, по его убеждению, для такого варианта женского имени *Ольга*, как *Ельга*, логично предположить мужской вариант для *Олега* как *Ельг*. Халанский упоминает Эриха Ляссоту, в 1594-м году посетившего Киев и оставившего сведения о некоторых лицах древнерусского эпоса, в частности, о матери Владимира *Юлзь* и о богатыре его *Ельзь Моровлин*. Халанский обращает внимание, что народную южно-русскую форму имени *Елья* Ляссота передал как *Elia*. В фонетическом отношении, по его мнению, *Елья* (*Elia*) должно считаться вариантом *Волья*, и как при *Волья* имелся вариант *Вольгá*, так и при *Елья* следует предположить форму *Ельгá*.

Согласно Халанскому, имя богатыря *Elia* из записок Ляссоты есть старый народный южнорусский вариант имени *Олег*, восходящий к основной форме **Ельгъ* или **Ельгá*. Подтверждение своей мысли Халанский видит в древнемецкой поэме «Ортнит», где действует герой *Eligas* или *Eligus*, и данное имя есть вариант от *Ольгъ* и *Ольгá* в форме *Ельгъ* и *Ельгá*.

Имя русского короля, или *künigvonReussen* изображалось в разных формах. Помимо *Eligas/Ilias* в редакции поэмы, входящей в печатное издание *Heldenbuoch* 1477 г. и воспроизведенное А.Келлером в 1867 г., но в прозаическом введении к *Heldenbuoch* тот же самый герой назван *Elegast*. Халанский напомнил, что предположение о существовании в древнерусском языке формы *Ельгъ* как варианта *Ольгъ* высказывалось также Д.И.Иловайским [34, с. 317-338].

Рассуждения Халанского об имени *Eligas* в древнемецких эпических произведениях как передачи русского *Ельгъ/Ольгъ* представляются логичными. Для архаичных антропонимов было обычным образование парных имен, т.е. таких имен, которые могут принадлежать как женщинам, так и мужчинам: *Кир* – *Кира*, *Марин* – *Марина*. Но традиция сохраняла парные имена неравномерно. Например, как отмечали Сулова и Суперанская, в официальных русских перечнях имен Августин числился, а Августина нет, не числились такие мужские имена, как Дарий, Елен, Олимпиад, или не числились такие женские имена, как Леонида, Модеста, Октавия и т.д. [30, с.14-15].

Выявление парности мужских *Вольга/Ельгь/Ольгь* и женских *Вольга/Ельга/Ольга* имен, функционировавших в древнерусской традиции, - важное свидетельство архаичной природы этих именных пар и их укорененности в русской антропонимический культуре. Эти имена получали распространение в общеевропейской устной традиции и становились этническими маркерами русских правителей. *Eligas/Iias* как отражение *Ельгь/Ольгь* лишней раз свидетельствует о том, что христианизация языческого именовослова происходила при помощи «наложения» новых библейских имен на созвучную языческую основу. Сейчас имя *Eligaskünig von Reussen* переводится в современных изданиях как Илья, хотя использованные Халанским ранние издания показывают, что путь к этому христианскому имени шел от древнерусских языческих *Eligas* и *Elegast* таким же образом, как от языческого Данслава/Данши – к библейскому Даниилу.

Особой разновидностью былинного имени *Вольги/Вольи* является имя такого мифологизированного древнерусского героя как Волх Всеславьевич. По определению В.В.Иванова и В.Н.Топорова, сюжет о Волхе Всеславьевиче (реже – Вольга́ Буславлевич или Святославьевич) принадлежит к наиболее архаичному слою в русском былинном эпосе [12, с. 108-109].

Образ княгини Ольги занимает совершенно особое место в русском фольклоре. В частности, личность княгини Ольги отразилась в таком специфическом жанре, как народные исторические песни, или как их называет С.Н.Азбелев, исторические баллады. Историческим песням, пишет С.Н.Азбелев, принадлежит особое место в системе жанров русского фольклора. Основная масса этих песен относится к эпическому роду поэзии, но есть и принадлежащие к песенной лирике: в таких произведениях – не повествование об исторических событиях, а передача эмоционального отношения к ним; часть исторических песен могут быть определены как лиро-эпические. Самые древние русские исторические песни не сохранились. Что песни такого рода существовали во множестве задолго до образования древнерусского государства, можно догадываться по скудным упоминаниям византийских историков. Об исторических песнях Киевской и Новгородской Руси сведения более определенны, содержание некоторых из этих песен очень коротко сообщают иногда дошедшие до нас письменные источники. При всей своей конкретности, прямой, как правило, соотносимости с историческим событием, историческая баллада не

фактографична. Она в той или иной степени всегда художественное обобщение народных впечатлений от исторического события [26, с.3-7].

Исторические песни, изображающие личность княгини Ольги, были записаны П.В.Киреевским и приведены в работе Халанского. Княгиня Ольга запечатлена в данной исторической песне как великая правительница и как яркая масштабная личность: с нею можно думу подумати и слово промолвити, она красавица, какой не видывали, она русскую умела больно грамоту и четью-пѣтью горазда церковному, она «грозная», была поляницей, т.е. богатыршей, когда она умерла, плакали по ней богатыри, называли ее «матушкой» [35, с. 24].

Теперь необходимо более внимательно рассмотреть такой важный феномен, как тесную связь антропонимов Олег и Ольга, с топонимикой, в первую очередь, с гидронимикой Восточной Европы.

Прежде всего, как указывалось выше, личные имена *Вольга* и *Вольга* соответствуют названию величайшей реки Восточной Европы Волги с массой ответвлений от этого названия. Есть небольшая речка Волга, как приток Медянки, несущая свои воды в Вятку, есть река Волгарица с правым притоком Малая Волгарица, в один из левых притоков Вятки впадает Волошка. В документах XVI в. Каргапольского уезда упоминаются в бассейне озера Лача реки Волга и Воложка (совр. Волошка, приток Онеги), а также Усть-Воложская волость. Есть своя Волга и в южном Беломорье, есть река Вольга во Владимирской губернии; есть река Вельга – приток Нудоли – в Московской области; есть река Вилга в Прионежье и еще одна Вилга в Пряжинском и Кондопожском районах Карелии, которая впадает в Нелгомозеро. Две названные Вилги пытаются, понятное дело, объяснить на основе финских языков. Хотя течет Вилга и в Польше, есть даже польский шляхетский род Вилга. Однако там, где прошел рудбекианизм, там поле науки «усеяно костями» – обломками повергнутых научных знаний.

Из этого же гнезда выходит название Вологда – река и город на одноименной реке. В Вологодской области есть деревня Волшницы (а в Тверской губернии – Волшница). Волшница, согласно современным толковым словарям – это место, где совершались предсказания жрецом-прорицателем или жрицами-прорицательницами.

Есть множество рек с названием Ольшанка с одноименными населенными пунктами в России, Белоруссии и на Украине. Но к гидронимам Ольшанка есть варианты Елшанка и Ильшанка (Московская область).

Есть в России реки и с названием Елга: Елга – приток Цильни, реки Верхневолжского бассейна; Елга – приток Вятки; Елга – приток Стерли (от Поволжья до Оренбургской области); Елга – приток Тора (Поволжье). Что же, все эти гидронимы тоже скандинавы принесли?

Заканчивая рассмотрение одноименных гидронимов, следует еще назвать реку Олег, которая упоминается в Ипатьевской летописи под 1251 годом, в походе Даниила Романовича на ятвягов, а также, разумеется, – и реку Волхов.

Таким образом, в Восточной Европе, на земле древних русов, есть гидронимы, которые соответствуют всем формам личных имен Олега и Ольги: гидроним Волга соответствует мужскому имени Вольгá/Вольг и женскому имени *Волга/Вольга*. Совпадение названий рек и имен богатырей типично для русского эпоса: известен богатырь Дунай в русских былинах. Гидроним Олег соответствует мужскому имени Олег, а гидронимы Ельга соответствуют женскому имени Ельга – одной из форм имени Ольга. Представляется, что ситуация с происхождением имен Олега и Ольги яснее ясного: оба имени рождены на земле Русской равнины в лоне древнерусской традиции согласно архаичному мифо-поэтическому сознанию давать наиболее важным гидронимам имена родовых божеств или обожествленных предков и героев. Поэтому пора избавляться от рудбекианистского абсурда, под влиянием которого название русской реки Волги делят между финскими и балтскими языками, а происхождение личных имен Ольги и Олега выводят от «германских» корней.

Венцом этого абсурда является попытка норманизма представить эпические древнерусские имена Вольги и Волха как былинную трансформацию скандинавского имени *Helgi* в восточнославянской языковой среде. Тогда сам древнерусский эпос, промышленности норманизма, предстает плодом нечестивого (т.е. вымышленного) союза мировоззрения скандинавских викингов (напоминаем, что слово *викинг* означает *пират* и не более того) – якобы носителей дружинного эпоса – снекими аморфными местными верованиями и понятиями восточнославянского языческого мировоззрения [20, с. 144-145]. Если бы еще эти декларации подкреплялись доказательствами, а то ведь их нет и близко, как было показано выше и как это вообще типично для норманизма.

С какими понятиями роднятся имена *Олега/Вольги/Вольга* и *Ольги/Волги/Вольги*, если рассматривать их не в традициях шведской гипербореады? Начнем опять с имени великой русской реки Волги. Волга

занимает совершенно особое место в древнерусской традиции, именуясь как Волга-матушка и как Волга – русская река.

Выше было показано, что название Волга было рождено древнерусской традицией, т.е. традицией, идущей от древних русов, в силу чего имя Волга лучше и проще всего объясняется из русского языка. От древнерусского корня *вол-/вл-* рождаются слова, связанные с водной стихией (влага, волглый). В словаре Даля с Волгой связано выражение: «Волга всем рекам мати». Поэтому Волга для древних русов была, очевидно, такой же священной рекой, как для ариев была река Сарасвати: «обладательница вод», т.е. главная священная река и богиня, персонифицирующая эту реку.

Родство Волги и Волхова говорит о родстве имен *Вольгá/Вольг/Олег* и *Волга/Вóльга/Ольга* со словами от этого же корня, связанными с сакрально-мистическим содержанием: волхование, т.е. чародейство с помощью воды, волхвы и волховницы как древние жрецы и жрицы, Волхв – Вольга и Волховская коровница, Волхова. Былинные герои князья-чародеи и богатыри Волхв Всеславьевич и Вольга Святославьевич – перерожденцы великого древнерусского божества Волоса. Волос/Велис – величайшее божество древних русов, всемогущий владыка трех сфер: небесный мир божественного солнца, мир живой и плодоносящей природы (урожая и скота – богатства человека) и подземно-подводный, т.е. потусторонний мир, где божество выступало в образе грозного змея-крокодила [10].

Само слово *власть* родилось от этого же корня. Поэтому древнерусские *волости* явно перекликаются с *волошками* – местами, где священные ритуалы/предсказания совершались древнерусскими жрецами и жрицами. Но тогда летописное «володеть и править» в тексте приглашения варяжских братьев следует понимать как «осуществлять сакральные и административные функции». Слова *велий*, т.е. *великий*, тоже образовалось от этого корня. Гиганты древнерусских преданий великаны, или волоты, происходят от этого же корня.

Корень этот поистине неисчерпаем, вот почему имена, от него образованные, обладали такой магической энергетикой и всегда были в числе любимых русских имен. Имя Олега, по наблюдениям Иловайского, встречалось до XIV в., а женское имя Ольга вошло и в христианские именовословы.

Но эти имена были популярны не только у русских. Имена с корнем **el-/*ol-* и, соответственно, родственные именам Олега и Ольги, получили

распространение у многих народов. В гуннских именах VI в. встречается Ольдоганд – имя, явно заимствованное из древнерусского именослова, как и многие другие имена индоевропейского происхождения, принимавшиеся гуннскими предводителями.

В словаре древнеиллирийских имен Ханс Краэ зафиксировал имя *Olcias*, вар.*Olciae (Olci)*, *Holcias* (Ολκίαυ, Ολκία, Ολκίας) у двух носителей. Одним из них был полководец Македонии *Olcias (Ολκίαυ)* у писателя македонского происхождения Полиена (II в.). Аналогичное имя с вариантами *Olciae/Olci*(Ολκίας Ολκίαυ, Ολκία) носил свергнутый король Иллирии в подложном завещании Александра [38, s.56, 80].

Здесь же надо вспомнить сведения о сербском городе Ольгуне у Гедеонова, который напоминал, что у Плиния этот топоним пишется как *Olchinium*, а у Тита Ливия и Птолемея как *Olcinium*, что у Константина Багрянородного переходит в форму Ελχόνιον, т.е. наблюдается тот же переход, как в случае Ольга и Ельга/Ελγα [4, с. 182-183].

У Краэ этот топоним приводится как иллирийский *Olcinium*. В наши дни это город в Черногории, название которого известно как Ульцин/Ульцинь. Чередование *ол-/ул-* понятно и естественно для русского языка. Соответственно, и вышеназванные именные варианты легко узнаваемы как имена из древнерусского именослова: в иллирийском и македонском Олькиас, или Ольки, виден древнерусский *Олегь/Олгь* (Ольгэ), см. выше пример: князь резанский *ОлгьИванович*(по типу:Садкэ – купец). Вариант *Holcias* еще раз наглядно свидетельствует, что в иноязычных именословах имена Олега и Ольги могли получать знак придыхания *h*, но эти варианты были всегда вторичны относительно древнерусского оригинала.

Таким образом, древнерусское имя *Олег/Вольгá*, связанное и с понятием власти, и с сакральной силой теонима Волоса/Велеса, обладало мощной притягательной силой для заимствования его в литературные произведения (возможно, носители литературных антропонимов существовали и в реальности) и в произведения устной традиции соседних народов. Так появились и имя македонского полководца Олькиаса, и имя иллирийского короля Олькиаса/Ольки, от той же древнерусской именной основы было позаимствовано имя *Eligaskünig von Reussen* в германских эпических сказаниях.

Поэтому сейчас представляется возможным скорректировать и некоторые выдвинутые ранее толкования антропонимов в связи с рассуждениями об иранских и прочих параллелях имени Олег. В области антропонимических исследований относительно древнерусских летописных имен у А.Г.Кузьмина есть немало гениальных открытий и выводов, основанных на этих открытиях. Так, в своей ставшей классической статье «Об этнической природе варягов», Кузьмин писал: «Примечательно, что древнерусскому имени Олег имеется иранская параллель – Халег со значением ”творец”, ”создатель”. Возможно, что происхождение этого имени связано с ирано-тюркскими контактами: в тюркских языках *улу* означает ”старший”, ”высший”. Один из венгерских вождей эпохи переселения на Дунай носил имя Хулук... На болгарской почве тюркское *улу* дало *олг*. Данные о переходе тюркского *улу* в болгарское *олг* взяты из статьи Заимова, в которой автор привел надпись от 904 г. на греческом языке ”...епископу Феодору олгу тракану”, которая была переведена как ”...при Феодоре олге тархане” с пояснением, что *олг* значит ”великий”» [19, с. 617].

Имя древнерусского Вольга/Ольга было родственно Волосу – иносказательному прозвищу всемогущего божества русов, образ которого соединял небесный мир солнца, плодоносящую землю и потусторонний мир. Следовательно, оно вполне могло войти в ираноязычные именословы с семантикой «творец», «создатель». Поэтому более логично предположить, что родство значений имен Олег и Халег говорит не об ирано-тюркских контактах, а о контактах между древними русами и древними иранцами. Осталось данные контакты изучить, но для этого необходимо признать древние истоки русской истории, а не отодвигать их к тому времени, когда в виантийских источниках стало упоминаться имя славян.

То же самое можно сказать и об *улу* и Хулук. И тюрки, и угры с древнейших времен находились под влиянием сакрально-мифологической традиции индоевропейского солнцепоклонства, что оказывало большое влияние на развитие их ономастики и ритуально-сакральной терминологии. Так, тюркский термин *кун* – *солнце* еще в дренетюркском языке явился заимствованием из тохарского [14]. Индоевропейского происхождения был и миф о небесной лебедице – прародительнице (лебедь – один из распространенных зооморфных символов солнца у носителей индоевропейских языков) в тюркской мифологии.

Влияние индоевропейской солярной религиозно-мифологической традиции сказалось и на этногенезе, и на культуругенезе народов Сибири и Центральной Азии. По убеждению, сложившемуся в науке, древнеиранские *hvar* («*фарн*») или *khors*, персидское *hôr/horsed* в значении «солнце» отразились в многочисленных этнонимах с *хори/хор*: буряты – *хоринцы*, которые считаются субстратом в этногенезе бурят, *монг– хоры (монгоры)* Цинхая, *хор – на* Амдо и Тибета, *хоро (хоролоры)* в составе якутов, род *хорилар* и племенное объединение *хори – тумат*, упоминаемые в монгольской исторической хронике «Сокровенном сказании». К этой же основе *хор-* восходит и название древней арийской страны *Хорезм* – «страна/земля Солнца» [18, с. 250-251; 22]. Та же солярная основа отразилась в названии кругового танца западных бурят *ехор*, символизировавшего солнечный круг.

Но думается, что простого воздействия лексемы – «солнце» было бы недостаточно для такого широкого распространения солярной лексики и солярной топонимики. Солнце было божеством, а у божества имелось имя, часто иносказательное, но это не мешало его участию в развитии духовной жизни. По нашему мнению, здесь наверняка сказалось влияние древнерусского солнцезбога Хорса (Хърсь/Гурсь/Гуркъ). Полагаем, что именно этот теоним отразился и в вышеназванных этнонимах, топонимах, а также в ритуальных терминах типа *ехор*, а кроме него и в болгарском *хоро* – круговом танце, семантика которого заключалась в том, чтобы быть символом солнца, а также в русском *хороводе*. Все они, наверняка, несут имя древнерусского солнечного божества Хорса, но с одной разницей.

Бурятский *ехор* – результат влияния индоевропейских солнечных культов, принесенных в Сибирь миграциями ариев. Болгарское *хоро*, с большей вероятностью, пришло с Волги на Балканы вместе с тюркскими протоболгарами тоже как древнее индоевропейское наследие древних тюрков, принявших арийские традиции почитания Солнца еще на своей прародине в Сибири.

Хоровод – символический танец на Руси в честь солнечного божества, одним из имён которого было древнерусское Хорс (за пределами Руси у других славянских народов как божество не был известен). Но в отличие от бурятского *ехора* и болгарского *хоро* русский *хоровод* не занесен в древнерусскую традицию откуда-то извне, а соединен внутренней связью с именем солнцезбога *Хорса*, рожденного в Восточной Европе в то далекое время, когда предки древних русов

и древних ариев входили в единую общность носителей индоевропейских языков и сосуществовали в рамках культурно-сакральной общности, созданной ими на просторах от Восточной Европы до Сибири [9, с. 50].

То, что именно древнерусские сакральные традиции выступали культурным донором для представителей урало-алтайской языковой семьи, хорошо засвидетельствовано в таком памятнике начала XV в., как «Сказание о Мамаевом побоище», где описано, как Мамай, видя поражение своих войск, «...нача призывати боги своя: Перуна, Савана, Тамокоша, Раклия, Гурса и великого своего помощника Ахмета» [28, с. 80]. Таким образом, и древнерусский Перун, и древнерусский Хорс/Гурс составляли важную часть сакральных верований полиэтнического населения Поволжья и южнорусских степей на протяжении столетий и сохранили свое влияние даже после распространения ислама. Но тогда можно предположить, что это влияние древнерусских сакральных традиций на лексику тюркских, угрских и других народов включало также лексику, рожденную от важнейших древнерусских теонимов или имен былинных героев с основой *вол-/ол-/юл-* (Ольга как Juulza у Э.Ляссоты). Древнерусское *велий* в переводе на тюркский вполне могло дать тюркское *улуз*, а прототипом для угрского антропонима *Хулек* явилось то же древнерусское Олег/Ольг. Тогда и болгарское *олг* проще всего объяснить прямым воздействием древнерусского Олга, семантика которого заключала и значение великого, и значение власти. Если только данная надпись не состояла из двух личных имен – Феодора Олга.

Не надо забывать, что из Восточной Европы на Балканы переселялись не только тюркские протоболгары и венгры, но и индоевропейские народы. Этнонимы серб (*sъrb, *sъrbi) и хорват обнаруживаются в Восточной Европе еще в античное время [32, с. 23-25]. Этноним *хорваты* говорит сам за себя – народ, поклонявшийся Хорсу. У сербов же известно личное имя Хрьсь. То, что антропонимы часто образуются от теонимов, факт общеизвестный. Поэтому нет ничего удивительного в том, что носители этнонимов серб и хорват в лоне своих миграций на Балканы уносили из Восточной Европы как теонимы, так и наиболее важные личные имена.

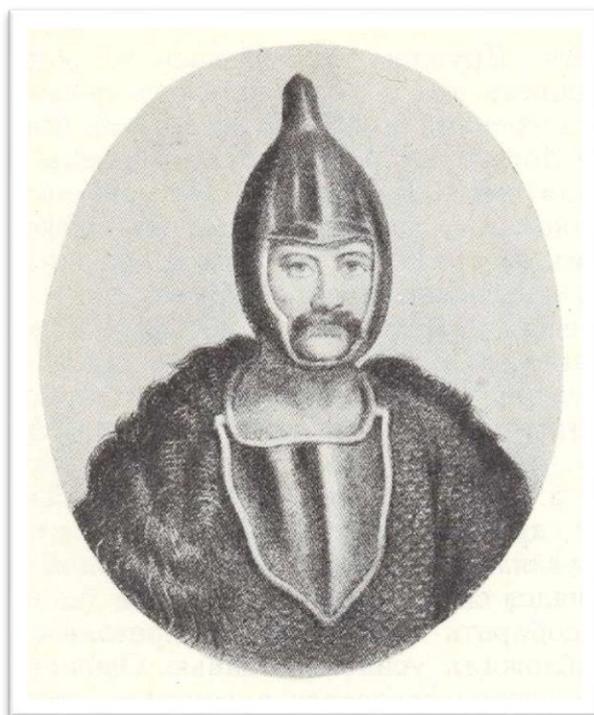
Перечисляя все возможные варианты имени Олгь/Ольгь, нельзя не упомянуть и царя Руси, имя которого обозначено как Hlgw в так называемом Кембриджском документе – рукописи на древнееврейском языке, которая

содержит фрагмент письма некоего еврея к неназванному лицу и в котором содержится рассказ о русском правителе или «царе Руси» по имени Хлгу (Hlgw) [17]. Опубликовавший этот документ семитолог П.К. Коковцев пояснял, что имя H-l-g-w может читаться как Halgu/Halgo или Helgu/Helgo. В этом имени стали усматривать максимально близкий вариант для имени Олег от якобы скандинавского оригинала *Хельги*. Наши исследования скандинавского имени Хельги показывают, что в данной переписке скандинавская форма Хельги не могла участвовать, поскольку для «царя Руси» не могло быть использовано уменьшительное имя, каковым является скандинавская гипокористика Хельги. А вот древнерусская форма Ельгъ как вариант имени Ольгъ представляется вполне естественной в данной переписке. И не вижу никаких проблем в том, чтобы представить, что летописный князь Олег Вещий был не единственным носителем древнейшего имени русов Ольгъ/Елгъ/Волгъ.

Завершая обзор антропонимов, образованных от именного компонента *ол-*, следует указать, что он виден в династийном имени Ольдржихов (Удальрихов), князей Моравии и Брно, а также князей Моравии в Оломоуце. В современных именованных чехов встречаются имена Olek/Alek, Oleg, Olha.

От этого же именного компонента *ол-/ел-* с переходом в *ал-* образованы имена великого князя литовского Ольдгерда или Альгирдаса, а также – литовского князя Ольгимунта/Эльгимонта (XIV в.).

Южнобалтийское побережье пестрит названиями, родственными имени Волги, которые пронизывают с востока до запада и связаны с крупнейшими древними религиозными центрами балтийских славян. Несложно предположить, что названия религиозных центров должны восходить к соответствующим теонимам.

Князь Олег Вещий, рисунок XIX в.

В первую очередь следует назвать крупнейший поморский торговый центр Волин, а вблизи него Щецин – мать городов поморских, где был храм бога Триглава. Далее за ним Вологощь (ныне Вольгаста или Wolgast). В Волгасте находился храм Яровита, грозного бога войны, а также весенней яри и плодородия. У немецких хронистов это название выступало в вариантах Волигост/Олигост/Hologost/Hologast. Вот вам и подтверждение: славянский Волигост или Олигост, а у немцев Хологаст, таким же образом и славянская Вольга/Ольга/Елга у немцев превращалась в Хелгу. Неподалеку от Вольгаста есть и небольшое озеро на острове Узедом (Узнам) под названием Вольгастзе (Wolgastsee) или Вологощское озеро. В Передней Померании рядом со Штральзундом есть поселок Velgast. В земле Саксония – Анхальт, рядом с г. Хавельберг есть деревня Vehlgast. В земле Шлезвиг – Гольштейн известен населенный пункт Walksfelde, что есть измененное славянское название Walegotsa, что зафиксировано на памятном камне.

Высказывались предположения, что все важнейшие божества южнобалтийских славян: Триглав, Яровит, Свентовит суть одно и то же божество под разными именами. Возможно, это так и есть, и Русь с Южной Балтией были

связаны одной древней верой. Ведь и имя Волоса – это не имя бога, а только иносказательное прозвище. Но это прозвище отразилось в перечисленных южнобалтийских святилищах. Вот какой древностью и силой веет от древнерусских имен Олега и Ольги! И наука должна очистить эти великие имена от наслоений западноевропейских утопий.

Список литературы

Spisok literatury

1. Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. – М., 2006. – С. 350.

Bajer G.Z. O varjagah // Fomin V.V. Lomonosov. Genij russoj istorii. – М., 2006. – S. 350.

2. Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли. – Великий Новгород, 2005. – С. 161.

Vasil'ev V.L. Arhaicheskaja toponimija Novgorodskoj zemli. – Velikij Novgorod, 2005. – S. 161.

3. Васильева Н.В. О термине и понятии «древнеевропейские гидронимы» // Ономастика Поволжья. – М., 2001. – С. 106-112.

Vasil'eva N.V. O termine i ponjatii «drevneevropejskie gidronimy» // Onomastika Povolzh'ja. – М., 2001. – S. 106-112.

4. Гедеонов С.А. Варяги и Русь. – М., 2005. – С. 182-183.

Gedeonov S.A. Varjagi i Rus'. – М., 2005. – S. 182-183.

5. Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. – СПб., 1873. – № 32.

Gil'ferding A.F. Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda. – SPb., 1873. – № 32.

6. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. – М., 2004. – С. 31-36.

Gimbutas M. Balty. Ljudi jantarnogo morja. – М., 2004. – S. 31-36.

7. Грот Л.П. Великий русский князь Олег: имя и личность // Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук «Бартеневские чтения», посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. – Липецк, 2014. – С. 8-34.

Grot L.P. Velikij russkij knjaz' Oleg: imja i lichnost' // Materialy nauchnoj konferencii po problemam gumanitarnyh nauk «Bartenevskie chtenija», posvjashhennoj 100-letiju nachala Pervoj mirovoj vojny. – Lipeck, 2014. – S. 8-34.

8. Грот Л.П. Гносеологические корни норманизма // Вопросы истории. – 2008. – № 8. – С. 111-117.

Grot L.P. Gnoseologicheskie korni normanizma // Voprosy istorii. – 2008. – № 8. – С. 111-117.

9. Грот Л.П. Древнерусские божества солнечного культа: анализ топонима Кола // Вестник Липецкого государственного университета. Научный журнал. Серия Гуманитарные науки. – Вып. 2. – 2008. – С. 50.

Grot L.P. Drevnerusskie bozhestva solnechnogo kul'ta: analiz toponima Kola // Vestnik Lipeckogo gosudarstvennogo universiteta. Nauchnyj zhurnal. Serija Gumanitarnye nauki. – Вып. 2. – 2008. – С. 50.

10. Грот Л.П. Между громовержцем и скотым богом // <http://pereformat.ru/2013/05/perun-volos/>

Grot L.P. Mezhdu gromoverzhcem i skot'im bogom // <http://pereformat.ru/2013/05/perun-volos/>

11. Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове / Серия «Изгнание норманнов из русской истории». – Вып. 3. – М., 2012. – С. 437-442.

Grot L.P. O Roslagene na dne morskom i o varjagah ne iz Skandinavii // Slovo o Lomonosove / Serija «Izgnanie normannov iz russkoj istorii». – Вып. 3. – М., 2012. – С. 437-442.

12. Грот Л.П. Политический миф норманизма // Научно-публицистический альманах «Русское поле». – 2013-2014. – № 4-5. – С. 89-120; Фомин В.В. Нужен ли нашему будущему шведский взгляд на наше прошлое? // Образовательный и культурно-просветительский журнал «Государственность. Gosudarstvennost». – 2013. – № 1-2 (3-4). – С. 118-149.

Grot L.P. Politicheskij mif normanizma // Nauchno-publicisticheskij al'manah «Russkoepole». – 2013-2014. – № 4-5. – С. 89-120; Fomin V.V. Nuzhen li nashemu budushhemu shvedskij vzgljad na nashe proshloe? // Obrazovatel'nyj i kul'turno-prosvetitel'skij zhurnal «Gosudarstvennost'. Gosudarstvennost». – 2013. – № 1-2 (3-4). – С. 118-149.

13. Грот Л.П. Путь норманизма от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии / Серия «Изгнание норманнов из русской истории». – Вып. 2. – М., 2010. – С. 118-139.

Grot L.P. Put' normanizma ot fantazii k utopii // Varjago-russkij vopros v istoriografii / Serija «Izgnanie normannov iz russkoj istorii». – Вып. 2. – М., 2010. – С. 118-139.

14. Иванов В.В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М., 1992.

Ivanov V.V. Tohary // Vostochnyj Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e. – М., 1992.

15. Иванов В.В., Топоров В.Н. Волх // Славянская мифология. – М., 1995. – С. 108-109.

Ivanov V.V., Toporov V.N. Volh // Slavjanskaja mifologija. – М., 1995. – С. 108-109.

16. Клёсов А.А. Ответы дает ДНК-генеалогия // <http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/>

Kljosov A.A. Otvety daet DNK-genealogija // <http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/>

17. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932.

Kokovcev P.K. Evrejsko-hazarskaja perepiska v X v. – L., 1932.

18. Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии бон. – СПб., 1998. – С. 250-251.

Kuznecov B.I. Drevnij Iran i Tibet. Istorija religii bon. – SPb., 1998. – С. 250-251.

19. Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // Гедеонов С.А. Варяги и Русь. – М., 2005. – С. 617.

Kuz'min A.G. Ob jetniceskoj prirode varjagov // Gedeonov S.A. Varjagi i Rus'. – М., 2005. – С. 617.

20. Мельникова Е.В. Ольг / Олег Вещий. К истории имени и прозвища первого русского князя // Ad frontem. У источника. Сборник статей в честь С.М. Каштанова. – М., 2005. – С. 143.

Mel'nikova E.V. Ol'g# / Oleg Veshhij. K istorii imeni i prozvisshha pervogo rusckogo knjazja // Ad frontem. U istochnika. Sbornik statej v chest' S.M. Kashtanova. – М., 2005. – С. 143.

21. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. – М., 2009. – С. 387.
Nazarenko A.V. Drevnjaja Rus' i slavjane. – М., 2009. – S. 387.
22. Павлов Е.В. Семантика хоринского этногонического мифа: к этимологии этнонима «хор» // Монголоведческие исследования. – Вып. 5. – Улан-Удэ, 2007.
Pavlov E.V. Semantika horinskogo jetnogonicheskogo mifa: k jetimologii jetnonima «hor» // Mongolovedcheskie issledovanija. – Вып. 5. – Ulan-Udje, 2007.
23. Пауль А. На каком языке говорили на юге Балтики до славян? // <http://pereformat.ru/2014/10/balto-slavica/>
Paul' A. Na kakom jazyke govorili na juge Baltiki do slavjan? // <http://pereformat.ru/2014/10/balto-slavica/>
24. ПВЛ. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перец. – 3-е изд. – СПб., 2007. – С. 27-29.
PVL. Podgotovkateksta, perevod, stat'iikommentarii D.S. Lihacheva / Podredakciej V.P. Adrianovoj-Perec. – 3-eizd. – SPb., 2007. – S. 27-29.
25. Пospelов Е.М. Школьный топонимический словарь. – М., 1988. – С. 47.
Pospelov E.M. Shkol'nyj toponimicheskij slovar'. – М., 1988. – S. 47.
26. Российская история в зеркале русской поэзии: Россия Романовых в исторических песнях / Под общ. ред. В.Е. Захарова: сост., предисл. и коммент. С.Н. Азбелева. – М., 2013. – С. 3-7.
Rossijskaja istorija v zerkale russkoj poezii: Rossija Romanovyh v istoricheskikh pesnjah / Podobshh. red. V.E. Zaharova: sost., predisl. ikomment. S.N. Azbeleva. – М., 2013. – S. 3-7.
27. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1997. – С. 141.
Rybakov B.A. Jazychestvo drevnih slavjan. – М., 1997. – S. 141.
28. Сахаров И.П. Сказания русского народа. – Т. 1, кн. IV. – СПб., 1885. – С. 80.
Saharov I.P. Skazanija russkogo naroda. – Т. 1, kn. IV. – SPb., 1885. – S. 80.
29. Соболевский А.И. Русско-скифские этюды // ИОРЯС РАН. – Тт. XXVI – XXVII. – Л., 1921 – 1924.
Sobolevskij A.I. Russko-skifskie jetjudy // IORJaS RAN. – Тт. XXVI – XXVII. – Л., 1921 – 1924.

30. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. – Л., 1985. – С. 14-15.
- Suslova A.V., Superanskaja A.V. O russkih imenah. – L., 1985. – S.14-15.
31. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962. – С. 4.
- Toporov V.N., Trubachev O.N. Lingvisticheskiy analiz gidronimov Verhnego Podneprov'ja. – M., 1962. – S. 4.
32. Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). – М., 1993. – С. 23-25.
- Trubachev O.N. K istokam Rusi (nabljudeniya lingvista). – M., 1993. – S. 23-25.
33. Улуханов И.С. Происхождение названия Волга // Изучение географических названий. – М., 1966. – С. 105-107.
- Uluhanov I.S. Proishozhdenie nazvaniya Volga // Izuchenie geograficheskikh nazvanij. – M., 1966. – S. 105-107.
34. Халанский М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1902. – С. 320-321.
- Halanskij M. K istorii pojeticheskikh skazanij ob Olege Veshhem // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. – SPb., 1902. – S. 320-321.
35. Халанский М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1903. – С. 24.
- Halanskij M. K istorii pojeticheskikh skazanij ob Olege Veshhem // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. – SPb., 1903. – S. 24.
36. Хенгст К. Древнеевропейские гидронимы у восточных славян // Ономастика Поволжья. – М., 2001. – С. 103.
- Hengst K. Drevneevropejskie gidronimy u vostochnyh slavjan // Onomastika Povolzh'ja. – M., 2001. – S. 103.
37. Шлёцер А.Л. Нестор. – Ч. III. – СПб., 1809. – С. 105.
- Shljocer A.L. Nestor. – Ch. III. – SPb., 1809. – S. 105.
38. Krahe H. Lexikon altillyrischer personennamen. – Helderberg, 1929. – S. 56, 80.
39. Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. II. – St. – Petersburg, 1845. – S. 142 ff.